

СИМВОЛ

журнал
христианской
культуры,
основанный
Славянской
библиотекой
в Париже

№50
(2006)

Париж-Москва

ПЬЕР ЭМОНЭ, SJ

«ДРУЗЬЯ ВО ГОСПОДЕ»

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ИГНАТИЕМ
(ЛОЙОЛОЙ), ПЬЕРОМ ФАВРОМ
И ФРАНЦИСКОМ КСАВЕРИЕМ*

В июле 1537 года Игнатий Лойола прибыл в Венецию, куда еще в январе того же года съехались его парижские единомышленники. В письме от 24 июля 1537 года, обращаясь к Хуану де Вердолаю, он описывает это собрание так: «*В середине января из Парижа прибыли сюда девять друзей во Господе, все знатоки искусства и мужи, весьма осведомленные в теологии; четверо из них испанцы, двое — французы, двое из Савойи один же — из Португалии*»¹. Среди выше перечисленных были Франциск Ксаверий из Наварры и Пьер Фавр из Савойи.

«*Друзья во Господе*»... Это стало традиционным наименованием для десяти первостепенных участников и «устроителей» этой встречи. Похоже, однако, что определение это употребил лишь Игнатий и только единственный раз; его невозможно найти в произведениях других основателей Ордена. Между тем, такое определение очень правильно отражает характер и сущность объединения десяти образованных парижан, сплоченных общим стремлением следовать Христу и наиболее приблизиться к Нему². Несмотря на различия в происхождении и собственных воззрениях участников Ордена, этот дружеский союз сблизил их в «едином замысле и единодушном желании снискать милость Божью и постичь чудесную Его волю сообразно призыванию их». (Е 277).

* *Pierre Emonet, SJ. Amis dans le Seigneur. La correspondance entre Ignace, Pierre Favre et François Xavier// Christus, Janvier 2006, p.100–109. Перевод с французского Е.С. Иванюк.*

¹ *Ecrits (далее Е) «Сочинения», Desclée De Brouwer, col. «Christus», 1991, p. 652.*

² Позднее это определение стало распространяться и на людей, особенно тесно связанных с Орденом. Об этом свидетельствует рассказ о смерти Пьера Фавра. *Sf. MHSI, vol. 48, Fabri Monumenta (далее FM), p. 481.*

ПЕРЕД ЛИЦОМ РАЗОБЩЕННОСТИ. ОБЩЕНИЕ

Итак, чтобы подобный союз мог выжить и преодолеть разобщенность — следствие исполнения апостольских обязанностей его участников, — последним необходимо было по мере сил поддерживать дружеские отношения. Именно поэтому они собрались во время поста 1539 года — такова дата принятия решения о «рождении» Ордена; их дружба была Божиим даром, который нужно было беречь. А посему они решили установить *«столь же прочные взаимные отношения, словно в едином теле, так что даже физическое разделение не могло бы их разрушить»*. Однако дружба эта не могла оставаться чисто «платонической», ведь тогда ей грозила бы гибель. Любовь, *которая в делах должна проявляться более чем на словах, и которая зиждется на взаимобмене и обоюдном общении* (cf. Ex. sp. 230-231), нуждается в некоей минимальной телесной организации, позволяющей ей воплощаться в жизнь.

Хотя разобщенность и делала невозможным непосредственно «физический» союз единомышленников, она лишь усиливала духовные и эмоциональные связи, объединяющие друзей между собой. В дальнейшем, отбывая для исполнения определенной (той или иной) миссии, они отправлялись в путь все вместе, а не по одному. Так Фавр пишет: *«Я молю Всемогущего Господа, дабы Он удостоил нас дарованной нам милости, ибо чем более разделены мы телесно, тем сильнее и прочнее растаем в тот дух, что объединяет нас во веки веков»*. (FM 34).

Как же в этом случае конкретизировать узы, связующие разобщенных братьев, и обеспечить то самое «обоюдное общение»? Безусловно, перед нами их священная миссия, упомянутая выше, которая как раз и объединяла разрозненные члены в единое тело. Однако был также обмен письмами, существовала переписка. Именно благодаря последней, оставаясь в одиночестве, член Ордена иезуитов постоянно пребывал в дружеском общении со своими единомышленниками, путешествующими по всему миру. Поланко открыто заявляет об этом в одном из своих писем, настаивая на ведении аккуратной переписки, касающейся всех членов Ордена. Среди двадцати веских доводов, приведенных им дабы побудить своих братьев *«продолжать писать со тщанием и радостью»*, главный (и основной) — это единение Ордена, рассеянного по различным областям. Действительно,

ни в чем ином Орден не нуждался так сильно, как в постоянном общении и объединяющих и сплавляющих взаимных контактах. Если и требовалось сообщать в письменном виде *«все, что бы один брат не пожелал узнать от другого»*, то важнейшей причиной этого была необходимость, чтобы *«одни (братья) знали о других»* (Е 707-716). Кроме этого, перечисляя средства, способствующие сохранению (и поддержанию) единства участников Ордена, Поланко подчеркивает следующее:

«Необходимо, дабы один брат знал о другом и поддерживал с ним письменное общение, хотя бы в том случае, если оба живут по-соседству. Тогда, как послания от прочих наших братьев выходят отсюда [из Рима] и достигает слуха всех остальных, так же и союз наш, проистекающий из общего и единого стремления, лишь однажды напомнив одним братьям о других и обнаружив новые поводы для дружеской любви, не прервется»³.

Итак, начиная свое путешествие, новости и послания со всех уголков света, где иезуиты подвизались на своем поприще, стекались к Риму. Затем, несмотря на наличие прочих служебных дел, требующих незамедлительного исполнения, в канцелярии Ордена Игнатий закрепил штат из четырех или пяти человек для копирования приходящей отовсюду корреспонденции и дальнейшего ее распространения с небольшим сопроводительным комментарием относительно прочих братьев и друзей Ордена, кардиналов и святых отцов; иными словами, всех заинтересованных апостольской деятельностью иезуитов. Речь шла о передвижениях и здравии, успехах и трудностях апостольской миссии братьев; о положении духовенства, ходе Реформации, политическом курсе европейских государств и их колониальных перспективах; о местных обычаях и нравах туземного населения. Одними словом, единомышленники делились друг с другом всем, что составляло их жизнь, и чему они были свидетелями. Скрупулезность, с которой стороны, участвующие в переписке, вели учет отправленных и полученных писем; их постоянная озабоченность по поводу того, доставлено ли письмо по месту назначения, и подсчитывание, сколько писем было утеряно — все это показывает, какое значе-

³ MHSI, vol. 54, Polanci complementa II, p. 762.

ние они придавали эпистолярному общению. Сам Игнатий посвятил этому множество глав своих «Конституций» (Е 673-675), где он давал указания касательно организации Ордена (Е 707-761; 940-941) и неоднократно призывал к порядку собратьев, которые проявляют некоторую небрежность (как, например, Фавр) или же откровенно отмалчиваются (как Бобадилья)⁴.

Поскольку письма эти имели обращение как внутри Ордена, так и за его пределами, их содержание должно было быть только лишь поучительным. Поэтому Игнатий обязал собратьев писать сразу по два письма: одно «основное», предназначенное для распространения, а второе — «дополнительное», содержащее более личную информацию.

«В основном письме следует сообщать о всяком деянии, будь то проповедь, исповедь, духовные упражнения или же прочие труды духовные. (...) Если же поле апостольства (вашего) бесплодно, и нечего рассказать, подобает вкратце отчитаться о здравии, затронуть вопросы, интересующие обе стороны, или же избрать какой либо иной предмет подобного рода, не добавляя, однако, ничего неуместного. Цели этой ради следует всегда прилагать дополнительное послание, где можно упомянуть дату получения корреспонденции, осведомить об испытанной духовной радости или же иных пробужденных письмами чувствах, а также болезнях, новостях и прочих обстоятельствах. Тут же допустимы и увещевания. (...) В дополнениях сиих можно бегло и кратко высказать лежащие на сердце мысли, не соблюдая (строгий) порядок изложения. Однако оное недопустимо в основном послании, коему должно проявлять исключительную заботу о поучительном наставлении, позволяющем с пользою показывать сие послание (прочим братьям)» (Е 670).

Письма «по обязанности»

Итак, отныне превратившись в некую обязанность, оставалась ли эта переписка свидетельством частных дружественных отношений, которые были так необходимы? Хотя многие письма погибли в ее стихийной спонтанности (в действительности же — они сгорели в пылу страстного желания соответствовать уста-

⁴ Например, о Пьере Фавре (Е 669–671), Николае Бобадилья (Е 676–678), Хуане Альваресе (Е 741–742) и Робэре Клейсо (Е 924–925).

новленным критериям), с самого начала эпистолярные контакты сохранили за собой привилегию взаимного дружеского общения собратьев. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть взаимные послания Игнатия (Лойолы), Пьера Фавра и Франциска Ксаверия⁵.

Стараясь более-менее соответствовать общим предписаниям, трое единомышленников не переставали поддерживать старинную дружбу, объединившую их с самых первых дней знакомства. Между тем Игнатий стал главой Ордена, и Фавр и Ксаверий оказались у него в подчинении. Это отразилось и на их переписке. Вероятно, по этой причине беглое прочтение писем Фавра, адресованных Игнатию, быть может, вызовет разочарование: они не идут ни в какое сравнение с пламенными страницами его «Записок». Их автор, некогда смирившийся с ведущей ролью Игнатия и все еще считавший его своим духовным отцом, особенно не задерживается на раскрытии своих душевных переживаний; тон писем остается нейтральным, иногда слегка суховатым, и без эмоциональных откровений. В данном случае мы имеем дело с теми самыми «письмами по обязанности», которые вполне укладываются в «официально» установленные правила. Их адресат — *«весьма глубокочтимый во Иисусе Христе отец Игнатий Лойола, опекающий братство Иисуса»*, а цель — уведомление о продвижении апостольского служения, здоровье собратьев, трудностях, с которыми они сталкиваются «на местах», а также об отношениях с благодетелями и возможностях расширения поля апостольской деятельности. Так куда же исчезли прежние друзья?

Несомненно, римские эпистолярные каноны не соответствуют эпистолярной же практике. В частности Фавр с трудом удерживался в их рамках и с непринужденностью смешивал чувства, вопросы личного порядка и всплески собственного мистицизма со строгим и упорядоченным изложением последних событий.

⁵ Учет этой корреспонденции позволил установить, что Фавр написал двадцать девять писем персонально Игнатию и двадцать восемь — Игнатию и Кодури. Два письма он адресовал лично Ксаверию (еще два письма были утрачены) и три — Ксаверию и Кодури. Игнатий писал шесть раз Фавру и двенадцать раз — Ксаверию. Что касается Ксаверия, известно, что он написал десять писем персонально Игнатию, а семь — Игнатию и прочим собратьям.

Очевидно, именно это обстоятельство вызвало раздражение Игнатия, о чем он и сообщил автору в достаточно резкой форме:

«Если не подводит меня память, неоднократно говорил я тем братьям, коих видел, отсутствующим же — многократно писал, что всякому собрату Ордена, возымевшему желание к переписке, подобает писать одно основное послание, кое можно было бы показать любому. (...) И вас я к сему призываю (...) и об этом прошу. Потрудитесь же позаботиться об улучшении вашей манеры письма: призовите всю вашу славу и возымейте желание, чтобы письма ваши служили в поучение вашим собратьям и всем остальным. Время же, кое вам на это потребуется, позволяю вам беречь за мой счет (отнести на мой счет)».

Вероятно, Фавр приносил извинения, ссылаясь на чрезмерную загруженность служебными делами, отнимающую у него много времени. В ответ на это непреклонный Игнатий пишет:

«Конечно, (ваша) занятость делами Ордена не вызывает сомнения. Однако я склонен предположить, что даже если и сам я не особенно слеую сему правилу, то отступаю от него не более, чем кто-либо другой — здоровье же я имею менее крепкое» (E 669-671).

БОЛЕЕ ЛИЧНЫЕ ИНТОНАЦИИ

Очень часто тон «дополнительных писем», гораздо более личный, чем это необходимо, обнаруживает перед нами старинных друзей, остающихся таковыми и по сей день. Так, например, Фавр раскрывает свое сердце и душу; он говорит о своих молитвах и полученной милости, о своих искушениях и слабостях, о своем стремлении к Богу и любви к Ордену. Он сообщает также о своем здоровье, здоровье собратьев и о великом множестве оказанных им благодеяний. Мы видим, как тяжела ему разлука, которой требует его миссия, и вновь встречаемся с автором «Записок», весьма озабоченным положением Германии. Он делится с Игнатием своими чаяниями и говорит об усилиях, приложенных им на благо страны, особенно дорогой его сердцу:

«Не в моей воле удержаться от того, чтобы не препоручить Германию Вашему преподобию. Особенно же пекусь я о Кёльне: ибо никогда не пожелал бы я, чтобы Орден его покинул, и более всего жажду увидеть, как придут сюда другие

собратья, дабы и здесь возделывать плоды и быть полезными Господу Богу нашему» (FM 397).

Когда Фавр сетует, что не имеет возможности долгое время оставаться на одном месте, и вынужден постоянно уезжать, едва приступив к благодеяниям, он предстает (перед нами) вялым и склонным к безразличию «миссионером в резерве», который пишет следующее: *«Ни за что на свете не желал бы я покинуть Рим ради Пармы, а Парму ради Германии»* (FM 187). Однако он же заявляет, что с готовностью *покинет «Кельн ради Португалии», невзирая на давление какого-либо кардинала и позабыв о собственных склонностях, удерживающих его на месте* (FM 228-229), а также с радостью *оставит мадридский двор*, в кругу которого он успешно возвращается, *дабы путешествовать по всему миру, прокладывая пути иезуитскому Ордену* (FM 397). С трогательной простотой он говорит о том, как сильно ему не хватает присутствия друзей. В одном письме от апреля 1540 года он рассказывает Игнатию, как Ксаверий, страстно желавший встретиться с ним, прибыл в Парму в тот самый день, когда Фавр покинул город и уехал в Брешию. Ксаверий очень надеялся застать его в Брешии, но перед ним встало препятствие в лице других братьев, а также посла Португалии. В заключении автор с тоской замечает:

«Если так и не увидимся мы в этом мире, то Господь удостоит нас милости своей встретиться в мире, чуждом разлук и расставаний, кои переносим мы только ради Христа, как ради Него — и союз наш. Бог всегда хранит нас, ибо то, что нас разъединяет, не может быть подобным тому, что нас объединило. Ведь если объединяет нас один дух, разделяет же некий другой, ему противоположный, угрожает нам гибель. Посему будем каждодневно молиться Господу, чтобы ни ветхий человек, ни злой дух никогда не разъединил тех, кого Он соединил (FM 30).

Итак, члены ордена, путешествующие в пределах Италии, должны были еженедельно писать в Рим, а те, кто находился в других уголках Европы, исполняли эту обязанность раз в месяц. Два года спустя (в 1542 году) Фавр жаловался, что не может получить письма из Рима, хотя сам он исправно пишет каждую неделю, несмотря на бесчисленные препятствия, которые не перестают его преследовать:

«На этой неделе, ибо она, так сказать, самая святая из всех, и приходится на нее большинство ежегодных служб, мы долго не имели возможности вам написать. Нам приходилось быть весьма краткими, соблюдая предписание писать, не пропуская ни одной недели. Однако же последние три недели вы подаете нам дурной пример, ибо никакого ответа мы от вас не получили. Поводов же для этого мы не видим, поскольку невозможно даже вообразить, что дело тут в (вашем) небрежении: существует какая-то иная причина. Быть может, не получили вы писем наших и желаете наказать нас за небрежность? Ради любви Господа нашего, умоляем вас более не применять к нам подобных наказаний. Что же касается братьев, пребывающих в Брешии, то после того, как с одним из своих гонцов отправили они нам письма, отправленные вам в начале поста, ничего мы от них не получили» (FM 21-22).

ПЬЕР ФАВР И ФРАНЦИСК КСАВЕРИЙ

Правила, установленные Игнатием, распространялись только на переписку с Римом и не затрагивали письма, адресованные собратьям лично. Это наглядно демонстрируют эпистолярный диалог между Фавром и Ксаверием: в частности, они были особенно тесно связаны дружескими узами⁶. Для Фавра брат Франциск появляется тотчас же после Иньиго, и именно его Фавр предполагает назначить на место Игнатия в том случае, если сам он желал бы от этого уклониться (FM 51-53). В Мадриде в 1545 году Фавр очень результативно использует письма Ксаверия, защищая Орден его от недоброжелателей и хулителей. Обращаясь к Ксаверию в письмах, он чаще всего называет его «*брат*», чего никогда не допускает в обращении с другими собратьями. Он сообщает ему последние вести о своей апостольской миссии, рассуждает об исполняемых им обязанностях, об обращении (рукоположении, посвящении) преторов и прелатов, о принятии в Орден. Тон его писем непринужденный, пылкий, легко переходящий в открытую эмоциональность и вместе с тем почти доверительный: то в одном, то в другом фрагменте автор обнажает чувства, позволяющие угадать его внутреннюю мягкость и душевное расположение. Эти письма создают атмосферу доверия. Их стиль столь далек от

⁶ «Записки», Cf. *Mémorial, Desclée De Brouwer*, col. «Christus», 1960, pp. 110–111.

того Фавра, к которому мы привыкли, что два письма, адресованных Ксаверию, способны (хотя и отчасти) возместить временное молчание автора «Записок» в период с января 1544 года по январь 1545⁷.

Как ни странно, взаимные чувства Ксаверия не столь очевидны. Среди его огромной корреспонденции (137 писем, записок и указаний) мы не находим ни одного послания, адресованного лично «сердечному другу Пьеру Фавру». Вероятно, Ксаверий, так высоко ценил своего бывшего парижского однокашника, что никто другой после Игнатия не удостоился такого почтительного уважения с его стороны. Он воспринимал Фавра как высшую инстанцию в случае, если необходимо будет искать Игнатию преемника⁸. Он так полагался на его чутье и разборчивость, что направлял к нему многих собратьев (среди них был и Жером Доменеш), полных надежд осуществлять свою апостольскую миссию под его руководством. Кроме того, очень скоро после смерти Фавра Ксаверий стал называть его «*святым и блаженным*» (FM 703), а также связывал одно чудесное происшествие с его (непосредственным) вмешательством. Речь идет о том, как однажды, возвращаясь из Малакки, Ксаверий избежал опасности во время ужасного шторма (FM 723 и 815)⁹.

Франциск Ксаверий или «испытание разлукой»

Письма Ксаверия — это послания активного, деятельного миссионера, который непрестанно расспрашивает о последних событиях и сам делится новостями. Он настойчиво просит о помощи и настоятельно требует дополнительного обслуживающего персонала. Ко всему прочему его корреспонденцию можно назвать «письмами из провинции», а точнее из Индии, где Ксаверий, являясь старшим духовным лицом, проводит (различные) мероприятия и дает указания. Пока он пишет Игнатию¹⁰, его послания принимают форму служебных докладов и должностных записок, где автор отчитывается в исполнении своей миссии и

⁷ Cf. id., p. 383. Оба этих письма приведены *ниже*.

⁸ MHSI. vol. 67, Epistolae S. Francisci Xaverii, t. I, pp. 25–27.

⁹ Cf. Epistolae S. Francisci Xaverii, t. I, p. 393.

¹⁰ Cf. Переписка 1535–1552. Письма и документы (далее CFX). Desclée De Brouwer, col. «Christus», 1987, pp. 80–97.

предлагает проекты дальнейшей реформы индийской церкви. Однако нередко в его письма звучат более теплые интонации, и в некоторых фрагментах, как правило, очень коротких, автор даже позволяет себе душевные откровения. Пожалуй, он пишет, как писал бы отцу (почтительный) сын: *«нав на колени (...) и словно находясь в вашем присутствии»* (CFX 252) и постоянно подчеркивает, что он *«Сын ваш, ничтожный и недостойный»*.

Ксаверий — воплощенное «испытание разлукой». Как никто другой он страдает от расставания с друзьями. Он так обращается к Игнатию, который переживает их разлуку не легче самого Ксаверия:

«Ваша святейшая Милость писала мне, что овладело вами страстное желание увидеть меня, прежде чем оставит вас сия жизнь. Господь Бог наш знает, какое впечатление произвело на душу мою сие выражение величайшей любви, и сколько слез пролил я, всякий раз перечитывая послания ваши и лишь в них полагая найти единственное утешение. Поистине нет ничего неподвластного послушанию святому» (CFX 382).

Ксаверий даже вырезал из посланий своих собратьев их личные подписи и постоянно носил их при себе *«дабы никогда вас не забывать»* (CFX 179). К счастью, письма способны были сокращать расстояние, разделяющее друзей:

«В Малакке передали мне много писем из Рима и Португалии, кои я получил и кои перечитываю неоднократно. И всякий раз даруют они мне такое утешение, что, читая их, представляю я, будто нахожусь подле вас. Вы же, столь дорогие моему сердцу, находитесь вместе со мною, если не телом, то единым духом» (CFX 167).

Вероятно, поэтому Ксаверий испытывал такую потребность в детальное описание последних событий, особенно тех, что касаются его старинных друзей и успехов иезуитского Ордена:

«Величайшее утешение получил бы я, если бы Ваша Милость рекомендовала (мне) какого-нибудь прислужника, дабы пространно и подробно отписал он мне последние новости касательно всех нас: отцов, что прибыли из Парижа, а также и всех прочих. Пусть он напишет мне о процветании, кое переживает Орден, о соратниках наших и храмах Божиих, о том, сколько отцов приняли обет (особенно же о людях примечательных и еще до принятия в Орден проявивших вы-

дающиеся качества) и о том, какие ученые мужи стали членами Ордена. Такое письмо поистине было бы для меня отдохновением среди множества горестей и треволнений на море и на суше, в Китае и в Японии» (CFX 426-427).

Далее он пишет: *«весьма пространно, дабы было у нас чтения на восемь дней. Мы же обещаем ответить тем же»* (CFX 73). Что касается самого Ксаверия, (то) в письмах, адресованных братьям из Рима и Европы, где он дает волю своему сердцу, он поистине неистощим: *«Едва только начинаю я говорить о священном Ордене Иисуса, и сам я не ведаю, как прервать столь приятное общение и оторваться от моего письма»* (CFX 210).

Письма Игнатия (Лойолы)

Большинство писем Игнатия, адресованных обоим его друзьям — по крайней мере те, что до нас дошли — очень нас разочаруют. Как правило, это отражение отношений между главой (Ордена) и (подчиненными) братьями; официальные письма, уведомляющие о полномочиях или папских привилегиях, дарованных иезуитам, об условиях принятия в Орден новых кандидатов, о назначении Ксаверия провинциалом или его отзыве в Европу. Стиль их официален и нейтрален. Если письма Игнатия изредка и содержат новости, то они преподносятся без особенной пылкости и сердечных откровений. Среди писем, адресованных Фавру, только одно открыто акцентирует свое внимание на (более) личных чувствах. Это кажется странным, но речь идет о письме, в котором Игнатий корит своего собрата за нарушение правил, установленных для эпистолярного сообщения с Римом. Несмотря на живость, экспрессию и деспотично-властный тон этого послания, нетрудно догадаться, до какой степени довлеет над Игнатием тяжкий груз высокого должностного положения. *«Окажите же мне услугу и со своей стороны несколько умерьте пыл ваш, возложенный на плечи мои и столь для меня тягостный, ибо здесь у меня и без того множество дел»* (E 671).

Когда Игнатий пишет Ксаверию о его назначении в Индию, тон его писем возвышенно-торжественный и ничем не выдает их давней дружбы и близости (E 762). Когда же *«во имя послушания святого»* он призывает Ксаверия вернуться в Европу, то приводит весьма рациональные аргументы. Можно сказать, что он

ведет себя сдержанно-холодно: Игнатий ни единым словом не обмолвился о предполагаемой радости, которую он испытает, вновь увидев самого близкого из своих друзей. Однако бесспорно существуют и другие, исполненные нежности, письма, где Игнатий обнаруживает величайшую чуткость и трогательное дружеское внимание. Так, в одном из своих писем, ныне утраченных, он пишет следующее: *«Целиком я ваш, и невозможно мне забыть вас»*. Ксаверий плакал, читая эти строки. Кроме того, он процитировал их в своем ответе Игнатию, *«вспоминая былые времена и величайшую любовь, кою Ваша милость всегда испытывала ко мне»* (CFX 382).

* * *

Итак, доверяя удачному определению Цицерона, что *«дружба — это человеческий и божественный союз, подкрепленный благосклонным и благожелательным отношением»*¹¹, мы не сомневаемся, что, несмотря на придание переписке между братьями-единомышленниками некоторого официального статуса в связи с расширением и развитием Ордена, она оставалась прочной связующей нитью, объединяющей давних друзей. Укрепляя «взаимообмен» и развитие своеобразного «диалога» между людьми, которых их миссия разбросала по всему миру, она не давала угаснуть дружбе, положившей начало Ордену.

¹¹ De Amicitia, V, 20.

БЛАЖЕННЫЙ ПЬЕР ФАВР, SJ
(1506-1546)

ДВА ПИСЬМА ФРАНЦИСКУ КСАВЕРИУ*

Фавр пишет Ксаверию в 1544 году после возвращения в Кельн, куда его вызвал папа по просьбе нунция Поджио. В этот период он полностью поглощен помощью (местному) духовенству и оказанием поддержки студентам и бюргерам в борьбе против последователей Лютера. Следуя традиции, он воодушевляет горожан своими латинскими проповедями и духовными упражнениями, а также отсылает письма королевскому двору. Кроме этого Фавр организует (в Кельне) общину иезуитов где в мае 1544 года было всего восемь братьев. В июле того же года, по просьбе Игнатия, он вновь уезжает в Португалию. В это время Ксаверий исполняет свою миссию в Кошине, Цейлоне и Тутикорине. Два письма, написанные Фавром в январе и июле 1544 года и предназначенные Ксаверию, так и не дошли до адресата. Первое было отправлено в Лиссабон, откуда его должны были доставить по месту назначения некие отцы, Криминалис и Лопес, направляющиеся в Индию. Однако корабль, на котором они плыли, взял обратный курс. Что же касается июльского письма, то оно опоздало с отправлением: флот уже снялся с якоря. Тогда Фавр прибыл в Лиссабон 24 августа 1544 года, забрал свои письма и взял их с собой в Рим, где впоследствии они и были обнаружены в архивах Ордена. Оба этих письма, частично заполнили пробел в «Записках» Пьера Фавра от 1544 года, к которому эти небольшие фрагменты имеют непосредственное отношение.

Кельн, 24 января 1544 год.

Да пребудет вовеки в сердцах наших мир и благодать Христа, Господа нашего.

Вы уже знаете из прочих писем о брожении духовном, кое

* *Pierre Favre, SJ. Deux lettres à François Xavier. Une fraternité apostolique // Christus, Janvier 2006, p. 110–116. Перевод с французского Е.С. Иванюк.*

происходило в Лувене в течение недолгого времени, кое я там провел. Ныне желал бы я вам рассказать о плодах, его увенчавших.

Когда в Лувене стало известно, что все мы намереваемся уехать, некоторые ученые мужи тотчас же захотели за нами последовать. Первым из них был мэтр Пьер Фабер¹, бакалавр теологии, который проповедовал каждое воскресенье в течение Рождественского поста и был весьма расположен отбыть в Португалию. Кроме него были еще восемь мужей, кои от всего отказались, помышляя присоединиться к нашему Ордену. И вознамерились они покинуть Лувен и последовать за нами, куда бы мы ни отправились. Пятеро из сиих мужей (весьма) сведущи в свободных искусствах: один — бакалавр теологии, другой — профессор этики, пожелавший также исполнять должность каноника в кафедральном соборе Лувена. Третий же — год изучал богословие, четвертый — два или три года обучался праву, а пятый — преподаватель колледжа. Трое других не являются знатоками искусств, однако же все они изрядно знают латынь. Один из них желает изучать искусства, второй преподавать физику, а третий замыслил стать воспитателем юношества и преподавать в школе.

Однако никому из сиих мужей не поручали мы духовных упражнений, не располагая достаточным для этого временем. Ибо я и Эмилиано² должны были уехать в Кельн, а трое других братьев³ намеревались отправиться в Португалию. Величайшее утешение, кое ощутили сии мужи во Духе святом, ибо были призваны, подвигло их восхвалять Иисуса Христа. Все они исповедовались и причастились по случаю дня Богоявления, и каждый в приватной беседе открыл мне сердце свое и с величайшим прилежанием внимал моим увещеваниям. Однако прибыл сюда отец мэтра Фабера, дабы отговорить, и посетил мэтра Корнеля⁴. От

¹ Пьер де Смет (Фабер). Родился в Халле близ Брюсселя в 1518 году.

² Эмилиано Лойола, племянник святого Игнатия. Был принят в Орден 1541 году.

³ Речь идет об ученых иезуитах испанского происхождения: Франциско де Эстрада, Хуане Арагонском и Андреасе из Овьедо.

⁴ Корнель Вискавэн (1509–1559), претор, занимавший должность викария в церкви святого Петра в Лувене до тех пор, пока не был посвящен в Орден Пьером Фавром. Это случилось в конце 1543 года.

оного вышел он весьма утешенный, сказав только, что не хватило ему мужества успокоить свою жену, опечаленную отъездом сына, даже если отъезд этот самому чаду принесет величайшее благо. Родитель же другого из вышеназванных — а сам он родом из Лувена — был так взбешен решением сына, что пригрозил посадить его в тюрьму. Однако Господь наш устроил дело сие таким образом, что еще до отъезда сей родитель пришел туда, где обретались настоятель Шартреза⁵ и один из регентов метра Франсуа. Призывая имя Франциско де Эстрада, сей родитель пал на колени. Проливая горькие слезы, стал он молить о прощении за оскорбление брата Франциско, нанесенное ему, когда сей родитель пытался отворотить сына от великого блага. Так, в одночасье став иным человеком, тот, кто был ужасным зверем, превратился в агнца. И среди прочих вручил он своего сына мэтру Франсуа, ибо Господь наш призвал его к сему поприщу.

Также и двое других (мужей) были весьма обеспокоены. Но не родители стали тому причиной, а некое лицо, коему мы более всего обязаны лувенскими нашими благодеяниями. Я говорю «обязаны» в том смысле, что те двое, что решились последовать за нами, были очень к нему привязаны. И хотя, несмотря на сильное его влияние, не сумел он им воспрепятствовать, отношения наши с этим лицом не испортились. В беседе нашей, коя произошла после принятия решения об их отъезде, человек этот проявлял прежнее свое расположение, а в том, что касается нас, особенно очевидное и благожелательное. Ибо все мы последовали его предложению и выяснили, что один из приближенных его — бакалавр теологии — желает отправиться в Португалию со мною, а не с прочими братьями. Прежде же хочет он посетить родной (город) Льеж, дабы испросить совета у мсье Гезия, помощника настоятеля Льежского кафедрального собора⁶. Предложение сие было несколько рискованно, ибо жили там родители юноши, но Господь

⁵ Герхард Калкбрэннер (Гаммонтан) родился в 1490 году. В 1518 году он переехал из Кельна в Шартрез, где в 1536 году был рукоположен в настоятели, а в 1566 году умер, находясь в этой должности. Фавр написал ему четыре весьма примечательных письма, которые были переведены в 177 номере журнала «Christus».

⁶ Теодорих Гезий был инквизитором и непримиримым противником лютеран.

наш все устроил наилучшим образом, а как именно, расскажу я чуть после.

Итак, преодолев все препятствия (трудности) по особой милости Святого духа Господа нашего, восемь упомянутых мужей вместе с братьями нашими отправились в Антверпен. Из Лувена выехали они пятнадцать дней назад. Да пребудет с ними Иисус Христос.

А один юноша, племянник мэтра Корнелия, долгое время томился желанием отправиться в путь вместе с нами. Накануне отъезда братьев пришел он ко мне и, упав на колени, со слезами стал умолять меня отпустить его к ним. Однако я не принял юношу, посчитав, что он еще не готов для этого и должен исполнять призвание свое подле дяди. Но юноша этот, никому ничего не сказав, уехал с братьями. Ныне нахожусь я в неведении, велят ли ему братья вернуться или же, видя его настойчивость, позволят с ними остаться. Лет же ему 15 или 16.

В день отъезда братьев уехал еще один юноша, что был вместе со мною. Он будет меня ждать в местечке, именуемом Сэн-Трон, что лежит в шести лье отсюда. Там я намереваюсь, ибо завтра покидаю Лувен, прочесть три латинские проповеди всем местным монахам и их аббату, главе сего места. И тамошние каноники и преторы будут при этом присутствовать. Я едва ли смогу описать потрясение, кое произвели эти проповеди, ибо вести о произошедшем в Лувене дошли уже и до этого места. А в Льеже нас ожидал мсье Гезий. Я же дважды проповедовал перед канониками из главной местной церкви, а также из прочих колледжей, и пожал благодатный урожай, каковой не мог и представить. Мсье Гезий и глава кафедральной школы весьма нас полюбили, а последний решил отправиться вместе со мною в Кельн для свершения духовных упражнений. Ему последовали и трое других мужей, оставшихся в Лувене с подобными же намерениями: один из них — кандидат теологии, другой — претор и кандидат права, третий же — просто претор.

А в городе Льеже, где живут родители мэтра Леандро⁷ (такое имя юноши, что меня сопровождал), не смогли мы от них

⁷ Речь идет о Ламбере дю Шато. Он родился в 1520 году. Он умер несколько позднее описываемых событий в Кельне и был похоронен в Шартрезе при иезуитском приюте.

утаить решение сына. Однако люди эти увидели в его замысле и хорошую сторону и не стали чинить препятствий, и мсье Гезий не предпринимал более никаких действий. Так, исполнив волю сего господина и хорошего нашего друга, о коей я сообщил вам выше, мы покинули Льеж целые и невредимые, оставив о себе добрую славу во многих сердцах. А один из местных настоятелей, ученик господина Франциско Запата⁸ и значительное лицо в Льеже, который только что прибыл из Рима, также весьма полюбил нас. В Утрехте же и городе Ахене обнаружили мы, что двери (домов их) отворены для того, что со временем могло бы принести (благие) плоды. А позавчера с Божьей помощью прибыли мы сюда (в Кельн) живые и здоровые. Благодарить же (и восхвалять) за все следует Иисуса Христа, ибо всегда были с нами мир и милость Его.

Брат ваш во Господе нашем,
Пьер Фавр.

Кельн, 10 мая 1544 год.

Да пребудет вовеки в сердцах наших мир и благодать Христа, Господа нашего.

Последний раз сообщал я вам о своих делах в конце января месяца. Теперь решил я вкратце написать вам о том, что произошло с той поры, письмо же свое предполагаю изложить в четырех частях. Во-первых, я вас уведомляю, что, вернувшись из Брабанта и намереваясь на несколько дней задержаться здесь (у себя), в Кельне, с воскресенья святой семидесятницы начал я читать проповеди в школе и вплоть до сего дня не пропустил ни одного воскресенья, ни одного важного праздника. Кроме этого рассказывал я о страстях Христовых всю святую неделю за исключением одного дня, а также и всю пасхальную неделю, даже если проповеди мои, посвященные воскресению Христа, были не совсем к месту. Слушателями же моими стали главным образом студенты университета, клирики и каноники, а также несколько докторов права и лиценциатов теологии, отцы города, преподобнейший

⁸ Знатный дворянин из Толедо, папский хроникер. После возвращения в Рим его пылкий интерес к Ордену заметно угас, и он покинул Орден. Впоследствии он стал францисканцем.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ	3
<i>ПЬЕР ЭМОНЭ</i> ДРУЗЬЯ ВО ГОСПОДЕ. ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ИГНАТИЕМ (ЛОЙОЛОЙ), ПЬЕРОМ ФАВРОМ И ФРАНЦИСКОМ КСАВЕРИЕМ	7
<i>БЛАЖЕННЫЙ ПЬЕР ФАВР</i> ДВА ПИСЬМА ФРАНЦИСКУ КСАВЕРИЮ	19
<i>ХУГО РАНЕР</i> ВИДЕНИЕ СВ. ИГНАТИЯ В ЧАСОВНЕ ЛА СТОРТА	27
<i>ЖИЛЬ КЮССОН</i> ДУХОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ	45
<i>ВАЛЬТЕР БАЙЕР</i> «VITA CHRISTI» ЛУДОЛЬФА САКСОНСКОГО И СВ. ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА	69
<i>ЭМЕ СОЛИНЬЯК</i> КРАТКИЙ КОМПЕНДИЙ «СБОРНИКА УПРАЖНЕНИЙ» ГАРСИИ ХИМЕНЕСА ДЕ СИСНЕРОСА	91
<i>АНОНИМ</i> КРАТКИЙ КОМПЕНДИЙ «СБОРНИКА УПРАЖНЕНИЙ»	127
<i>РОЛАН БАРТ</i> ЛОЙОЛА	227
<i>ЛУИ БЕРНАРТ</i> ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ОПЫТ ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ И ОПЫТ ПСИХОАНАЛИЗА	264
<i>ЛУИ БЕРНАРТ</i> РАЗЛИЧЕНИЕ ДУХОВ И ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ	293
<i>ЛУИ БЕРНАРТ</i> ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ «ДУХОВНОГО ДНЕВНИКА» ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ	307
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	323

TABLE DES MATIÈRES

EDITORIAL	3
<i>PIERRE EMONET</i> AMIS DANS LE SEIGNEUR. LA CORRESPONDANCE ENTRE IGNACE, PIERRE FAVRE ET FRAN OIS XAVIER	7
<i>BIEHHEUREUX PIERRE FAVRE</i> DEUX LETTRES FRAN OIS XAVIER	19
<i>HUGO RAHNER</i> LA VISION DE SAINT IGNACE LA CHAPELLE DE LA STORTA	27
<i>GILLES CUSSON</i> LES EXERCICES SPIRITUELS	45
<i>WALTER BAIER</i> LA «VIE DU CHRIST» DE LUDOLPHE LE CHARTREUX ET IGNACE DE LOYOLA	69
<i>AIM SOLIGNAC</i> LE «COMPENDIO BREVE» DE L' «EXERCITATORIO» DE CISNEROS ET LES «EXERCICES SPIRITUELS»	91
<i>ANONYME</i> LE «COMPENDIO BREVE» DE L' «EXERCITATORIO»	127
<i>ROLAND BARTHES</i> LOYOLA	227
<i>LOUIS BEIRNAERT</i> L' EXP RIENCE FONDAMENTALE D' IGNACE DE LOYOLA ET L' EXP RIENCE PSYCHANALYTIQUE	264
<i>LOUIS BEIRNAERT</i> DISCERNEMENT ET PSYCHISME	293
<i>LOUIS BEIRNAERT</i> UNE LECTURE PSYCHANALYTIQUE DU JOURNAL SPIRITUEL D'IGNACE DE LOYOLA	307
BR VES NOTICES SUR NOS AUTEURS	323